

Социологическая публицистика

© 2023 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

МАРКСИЗМ В ПЛЕНУ У ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТИ

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmitriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются попытки синтеза марксизма и концепций интерсекциональности. Такой синтез стал возможен благодаря эволюции марксизма, который все реже фокусировался на экономике и уделял больше внимания культуре. Интерсекциональный анализ завершает данную эволюцию, представляя классовую эксплуатацию как одну из пересекающихся «систем угнетения». Это означает, что только рассматривая все измерения расы, пола, сексуальности и класса в структурах капитализма и империализма, можно понять отношения власти в том виде, в каком мы видим их сегодня. Если революции рабочего класса так и не произошло, то последняя надежда – на объединение всех угнетенных с целью борьбы за равенство/справедливость, демократию/свободу и общность/солидарность. Но, как показано в статье, дискурсы интерсекциональности по причине стремления сочетать несочетаемые интересы и социальные представления «угнетенных» неспособны к конструктивному диалогу и поддержке внутреннего единства в борьбе с капиталистической системой. В данной связи ставится вопрос о перспективах дальнейшей эволюции (пост-) марксизма.

Ключевые слова: интерсекциональность • марксизм • постмарксизм • классовый анализ • социальная структура • критическая теория • критическая расовая теория • системное угнетение • ЛГБТК+ • феминизм • патриархат

DOI: 10.31857/S013216250024629-4

Введение. Марксистская социология и марксизм как таковой при всем его многообразии находятся в состоянии затяжного кризиса. Эпоха ожидания приближающейся социальной революции, предвещающей коммунистическое будущее, сменилась условным «состоянием постмарксизма»¹. «Классический марксистский треугольник был сломан, – констатирует Й. Терборн, – и не похоже, что он будет восстановлен» [Терборн, 2021: 241]. Под этим «треугольником» Терборн подразумевает триангуляцию трех «вершин», из которых складывались концептуальные основания марксизма в XX в.: 1) историческая социальная наука, изучающая капитализм; 2) философская диалектика, предполагающая множество этических выводов; 3) модус социалистической политики рабочего класса, предоставляющий дорожную карту для революции [Павлов, 2021а: 17]. Сегодня многие считают, что марксизм долгое время был чрезмерно «однбоким», экономикоцентричным (фаллологоцентричным?), игнорировавшим другие возможные способы угнетения, обусловленные скорее политикой и культурой, нежели экономикой: расизм,

¹ Под «постмарксизмом» можно понимать спектр теорий, которые наследуют проблематику классического марксизма (социальное неравенство, капитализм как сложная система эксплуатации и угнетения), но отнюдь не всегда наследуют его методы (классический классовый анализ с акцентом на изучение проблем рабочего класса, исторический материализм, утверждающий первостепенное значение «базиса», и т.д.).

сексизм, гомофобия, трансфобия, эйджизм, эйблизм и т.п. Поэтому логично, что одним из способов выхода из «марксистского тупика» видится постмарксистское стремление левых концептуально переосмыслить пересекающиеся «системы угнетения», чтобы попытаться суммировать освободительную энергию всех угнетенных, направив ее против капитализма (синтез марксизма и интерсекциональности). Считается, что классовая борьба должна быть частью *более широкого движения*, ведь, как отметил Э.О. Райт, даже если различные группы «угнетенных» (например, темнокожие, женщины, представители ЛГБТК+ сообщества) имеют разные интересы, их *объединяют* общие ценности в моральной критике капитализма: равенство/справедливость, демократия/свобода и общность/солидарность [Wright, 2021: 15].

В настоящей статье мы попытаемся показать, что какие бы надежды ни возлагались на становящийся все более популярным концепт интерсекциональности, он скорее лишь усугубляет имеющееся кризисное состояние не только марксизма, но и всей левой социологии. Политика идентичности порождает множество культурных противоречий и конфликтов, разрушает общий «жизненный мир». Это не значит, что марксизм должен фокусироваться исключительно на классовом антагонизме, игнорируя выходящие за его пределы противоречия. Однако возможна и другая ветвь (пост)марксизма²: сторонящегося политики идентичности, стремящегося к универсальному и общечеловеческому.

Синтез марксизма и интерсекциональности? Термин «интерсекциональность»³ впервые появился в работах американской юристки, защитницы гражданских прав и философа К. Креншоу, заметившей, что антидискриминационные законы в США рассматривали пол и расу отдельно, и, следовательно, афроамериканские женщины и другие цветные женщины сталкивались с частично совпадающими формами дискриминации, и закон, не зная, как их объединить, оставляет этих женщин без должного правосудия [Crenshaw, 1989; 1991]. Ключевая идея достаточно проста: представители разных групп могут подвергаться различным формам дискриминации/эксплуатации/угнетения; эти формы (и институты, их порождающие) зачастую пересекаются, накладываются друг на друга, усиливая негативные эффекты.

Креншоу является автором ключевой метафоры, но сами теоретические основы интерсекционального анализа уже относительно давно находились в инструментарии левых теоретиков, особенно темнокожих феминисток вроде О. Лорд, которая в 1970–1980-е гг. излагала примерно те же идеи [Лорд, 2022]. Позже концепт интерсекциональности расширится на другие «смежные» области: не только раса и гендер, но и *класс*, сексуальная ориентация, гражданство, состояние здоровья, возраст. П.Х. Коллинз, подытоживая историю развития концепта интерсекциональности, выстраивает следующий набор принципов, которым должен следовать соответствующий анализ: «(1) раса, класс и гендер относятся не к единичным, а к пересекающимся системам власти; (2) конкретное социальное неравенство отражает эти отношения власти от одной ситуации к другой; (3) индивидуальные и коллективные (групповые) идентичности расы, гендера, класса и сексуальности социально конструируются в рамках множественных систем власти; и (4) социальные проблемы и средства их решения являются сходным образом пересекающимися явлениями» [Collins, 2019: 39].

Конечно, интеллектуальные корни марксизма и концепций интерсекциональности (П.Х. Коллинз, Б. Хукс, Д. Кинг и др.) не совпадают. Последние вышли из феминизма, который эволюционировал под воздействием постструктурализма, плавно переходя от анализа формальных прав и свобод к изучению социальной структуры и дискурсов как подвижных знаковых систем, обуславливающих «групповой» взгляд на мир (политика

² Будем считать, что условное добавление приставки «пост» здесь означает, что марксизм теряет исключительный фокус на классической классовой борьбе рабочего класса и буржуазии. Хотя мы предпочтем говорить далее о марксизме как об открытой для дальнейшей эволюции теоретической системе: постмарксизм – это и есть марксизм, но сильно изменившийся.

³ Интерсекциональность, или теория пересечений, – это исследование пересечения различных форм или систем угнетения, доминирования или дискриминации.

идентичности). Марксизм же долгое время считался «западоцентричным», рационалистическим и «экономически-редуктивным» направлением, отражавшим «мужской», чисто (или в основном) «классовый» взгляд на мир. Тем не менее, как показывает в книге «Марксизм и интерсекциональность» Э.Дж. Борер, интерсекциональность и марксизм частично имеют общую историю, набор теоретических наследий, а некоторые из самых инновационных и интересных работ были выполнены в рамках соответствующего теоретического синтеза. Как она утверждает, сами Маркс и Энгельс писали о рабстве, империализме, колонизации и угнетении женщин, а также о расистских и милитаристских экспансиях европейского капитализма через рабство, колонизацию и империализм. Как она замечает, многие темнокожие феминистки были при этом марксистками (вроде А. Дэвис). Изменялся и сам марксизм, становясь все более «грамшианским» и «фуколдианским», сосредоточенным не столько на экономике, сколько на культуре. И хотя сегодня еще остается значительное количество марксистов (Борер ссылается здесь на Д. Харви), для которых сфера экономики (как базис, фундирующий надстройку) является «первичной», уже нет никаких серьезных концептуальных преград для интеграции марксизма в интерсекциональный анализ. Для этого марксизму нужно отказаться от тезиса, что все формы угнетения детерминированы «в конечном счете» классовой эксплуатацией. «Схема такой теории, – пишет Борер, – выражается с помощью четырех позиций. 1. Капитализм не может быть сведен только к эксплуатации. 2. Капитализм нельзя свести только к классу. 3. Класс не может сводиться только к эксплуатации. 4. Раса, пол, сексуальность не могут быть сведены только к социальному угнетению» [Bohrer, 2019: 204].

Необходимость синтеза марксизма и интерсекциональности обосновывается как желанием учесть разнообразный опыт всех угнетенных/эксплуатируемых (в дальнейшем для удобства будем употреблять слово «угнетение», подразумевая в т.ч. и эксплуатацию), так и подчеркиванием «эндогенности» тех или иных форм угнетения для капитализма. Так, У.Э.Б. Дюбуа считал, что представители белого рабочего класса в США конца XIX в. не стремились объединяться с темнокожими рабочими, поскольку получали своеобразную «психологическую заработную плату» (psychological wage): в чисто материальном плане обе данные социальные прослойки были крайне уязвимыми, но белые получали символическую компенсацию в форме уважения, самой принадлежности к высшей «касте» [Du Bois, 1964: 670–711]. Эту логику можно продолжить применительно к современности: капитализм силен, так как способен дробить общество на группы, затрудняя создание сильных антикапиталистических коалиций. Именно для этого необходим интерсекциональный анализ, способный показать, где именно скрыты «точки пересечения» разных форм господства (если разрешить межгрупповые противоречия, вероятность создания сильных антикапиталистических коалиций повышается). Марксизм также мог бы быть полезен своим акцентом на классе, поскольку в последнее время политика идентичности «колонируется» капитализмом. Как утверждает Д. Редигер, «ряду авторов было слишком легко предположить, что наши трудности были вызваны большим вниманием к расе, полу или сексуальности (там, где массовые движения также провели некоторые значительные реформы) и недостаточным вниманием к классу» [Roediger, 2017: 15].

Таким образом, складывается своеобразная синтетическая интеллектуальная конструкция, призванная: а) учесть разные формы угнетения; б) разрешить межгрупповые противоречия, добившись «социальной справедливости»; в) способствовать выстраиванию эгалитарных и справедливых социальных институтов, от которых в конечном итоге выиграли бы все (или подавляющее большинство). Для марксизма это шанс перестать быть теорией, авторами которой являются «мертвые белые мужчины», а также объединить усилия с различными группами «угнетенных», а потому приблизить борьбу всех недовольных капитализмом к социальной революции. Тем не менее на практике эта идея сталкивается с чередой серьезных препятствий.

Интерсекциональность расходящихся дорог. Для того чтобы продемонстрировать, почему интерсекциональный анализ является на самом деле «интерсекциональностью

расходящихся дорог», следует отдельно раскрыть проблематичность его ключевых теоретических оснований. Данные основания можно объединить в три главных тезиса: а) *угнетение многослойно*: тот, кого притесняют по одному признаку, может быть «угнетателем» по другому; б) *все системы угнетения равнозначны и взаимосвязаны*; в) *разный опыт представителей угнетенных групп должен быть учтен*, так как он способствует формированию эмпатических чувств и дальнейшей солидаризации. Разберем каждый из этих пунктов.

Угнетение многослойно. Преимущество концепций интерсекциональности быстро становится их главной уязвимостью. Казалось бы, тезис о том, что кто-то может быть подвержен более чем одной разновидности дискриминации, позволяет, с одной стороны, усилить критику капитализма, с другой – сблизиться с теми группами, которые до того смотрели на левые проекты, организованные преимущественно белыми мужчинами, с изрядной долей недоверия. Но данная логика становится яблоком раздора, как только начинают конструироваться соответствующие иерархии угнетения. Бывшие «жертвы» быстро становятся «угнетателями». Мужчины-пролетарии «угнетают» белых женщин из рабочего класса, но белые женщины сами наделены привилегиями относительно цветных женщин; они, в свою очередь, привилегированны, если здоровы, гетеросексуальны, обладают всем набором гражданских прав, исповедуют христианство и т.п. Эту цепочку можно продолжать достаточно долго до тех пор, пока перебор различных идентификационных конфигураций не столкнется с прецедентом предельной маргинализации. В идеале наименьшая «жертва» должна признать свои привилегии относительно тех, кто находится в более уязвимом положении, и делать все возможное, чтобы справиться с ними (как на распространенных на Западе тренингах по «разнообразию»). Те, кто более уязвим, как бы «помогает» наименее уязвимым осознать свое положение в своеобразном интерсекциональном «диалоге», способствующем общему «пробуждению» (wokeism).

Разумеется, такая картина чрезвычайно идеалистична. Дискурс сторонников интерсекциональности в большинстве случаев напоминает борьбу за более выгодное расположение в иерархии угнетения, причем критика нацеливается не столько на капиталистов в лице белых гетеросексуальных мужчин, сколько на ближайших соседей по самой «иерархии угнетения». Так, книга темнокожей феминистки лесбиянки О. Лорд «Сестра отверженная» (впервые опубликована в 1984 г.) почти полностью состоит из критики «белого» феминизма, а также темнокожих, которые не могут прийти к компромиссу и объединиться, так как разделяют разные религиозные убеждения, взгляды на нетрадиционную сексуальность и пр. [Лорд, 2022]. Спустя почти 40 лет будто бы ничего не изменилось, а критика т.н. «белого» феминизма едва ли не более актуальна, чем критика капитализма или патриархата. Обложка книги Р. Закарии «Против белого феминизма» пестрит словом «ПРОТИВ», оно дублируется с эффектом наложения, демонстрируя, насколько силен негативный посыл автора. Белые феминистки в ней изображаются невежественными, надменными, склонными бездумно «присваивать» культуру Востока, пользующимися белыми привилегиями, которые дарует им патриархат, дружественными по отношению к западному империализму и колониализму, не понимающими другие, незападные культуры. Дело доходит до стремления фактически «отменить» таких культовых авторов в истории феминистской мысли, как С. де Бовуар (так как она была белой и не учла в своем анализе «интерсекциональную» составляющую) [Zakaria, 2021: 49]. В данной критике есть свои зерна истины. Однако вопрос, в какой степени белые феминистки фактически «притесняют» небелых или их «недопонимают», сводится к чисто субъективным оценкам. Если учесть, что в подобных теориях главной проблемой является «подсознательное»⁴, определяемое «структурными» факторами, то почти любые явления или события, расцениваемые

⁴ Р. ДиАнджело: «Мы можем думать о сознательном расовом сознании как о верхушке айсберга, о поверхностных аспектах нашей расовой социализации: о наших намерениях (всегда хороших!) и о том, что мы должны признать, что видим (ничего!). Между тем под поверхностью скрывается огромная глубина расистской социализации: сообщения, убеждения, образы, ассоциации, внутреннее превосходство и права, восприятие и эмоции» [DiAngelo, 2018: 58].

контрагентами как нежелательные, можно *post hoc* объяснить расизмом или каким-то другими формами предвзятости (личные неудачи оправдывают «системой», дискриминацией и т.д., что похоже на теории заговора). Это благодатная интеллектуальная почва для фактически бесконечных споров между теми, кто по идее должен быть между собой солидарен и искать точки соприкосновения, а не расхождения.

В этом плане весьма показательна, как подчас доходящая до абсурда критика «привилегий белых» и патриархата оборачивается конфликтом с представителями белого рабочего класса, наиболее пострадавшими от деиндустриализации и глобализации. Как отмечают Э. Кейс и А. Дитон, после поправки на инфляцию медианная заработная плата американских мужчин оставалась неизменной в течение полувека; для белых мужчин без четырехлетнего диплома средний заработок потерял 13% покупательной способности в период с 1979 по 2017 г. [Case, Deaton, 2020: 7]. Они замечают, что белый рабочий класс – фактически единственная группа в США, представители которой испытывают сокращение продолжительности жизни. Также среди них растет количество «смертей от отчаяния», вызванных частыми случаями передозировки наркотиками (включая передозировку алкоголем), самоубийствами и алкогольной болезнью печени. Сей феномен можно объяснять удручающей экономической ситуацией, с которой сталкиваются обычные люди, не видящие перед собой особых перспектив. Но сами Кейс и Дитон считают, что здесь также имеет место переплетение многих факторов: упадок семьи, общины и религии [Case, Deaton, 2020]. Иная картина видится сторонникам интерсекциональной «критической теории». И. Уилкерсон в своей книге-бестселлере утверждает, что в США все еще сохраняются касты. Для нее объяснение упадка белого рабочего класса достаточно простое: они буквально *расстроились* из-за постепенных успехов темнокожих (в чем, к слову, противоречие самой позиции Уилкерсон), а потому испытывают депрессию и обращаются к алкоголю и наркотикам. «С психологической точки зрения о людях, умирающих от отчаяния, – пишет она, – можно сказать, что они умирают от краха иллюзий, от обнаружения дыр в догмате веры в то, что унаследованное, невысказанное превосходство, естественная заслуга перед подчиненными кастами обеспечит им достойное место в иерархии» [Уилкерсон, 2022: 209]. Такое отношение к проблемам белого рабочего класса, затенение реальной классовой проблематики неким обвинительным психоанализом делает проект интерсекционального альянса заведомо несостоятельным.

Все системы угнетения равнозначны и взаимосвязаны. Согласно одному из спорных постулатов интерсекциональности все системы угнетения равнозначны, то есть их не стоит ранжировать по степени значимости; «...решение проблем угнетения, эксплуатации, маргинализации или исключения в одной оси волшебным образом не решит другие, и, более того, в сочетании с описанной выше неаддитивной концептуализацией означает, что ни один конкретный вид угнетения не может быть решен без решения всех остальных» [Bohger, 2019: 92]. Из тезиса о равнозначности систем угнетения, к примеру, следует, что *трансфобия или эйджизм так же фундаментальны, как и классовая эксплуатация*. Данная риторика рано или поздно приводит к противоречиям. Например, «классисты» дискутируют с «идентитаристами» с целью выяснить, виноват ли в тех или иных проявлениях «системного неравенства» (например, неравенство доходов) капитализм или, скажем, расизм (резонно спросить, виноват ли во многих случаях и капитализм, но это тема для отдельного исследования). Для сторонников идеи интерсекциональности расизм не в меньшей степени ответственен за социально-экономическое положение темнокожих, чем капитализм как таковой (а то и в большей). В экстремальных случаях утверждается, что США буквально *основаны на расизме*, а потому американскую историю нужно начинать с 1619 г., когда в Вирджинию прибыл первый корабль с темнокожими [Hannah-Jones, 2021].

Совсем иначе мыслят те, кто видит капитализм и классовую эксплуатацию более фундаментальными и значимыми, чем расизм. К примеру, Т.Ф. Рид показывает, что разные этнические группы в США легко переплавлялись в «плавильном котле» в первой половине XX в., поскольку бурный экономический рост способствовал восходящей мобильности:

отсутствие образования не мешало находить приличную работу, устраивать детей в колледж, которые, в свою очередь, добивались больших успехов, и т.д. С темнокожими, обретшими все формальные права после 1960-х гг., было бы примерно так же, если бы не наступил кризис 1970-х и не были бы ощутимы последствия деиндустриализации и глобализации. Темнокожие (не все, но наиболее бедные) оказались во всех возможных «ловушках бедности» в условиях, когда восходящая мобильность напрямую зависит от доступа к дорожающему образованию. Эту проблему можно было бы решить, если признать первичность именно классовой, экономической составляющей неравенства. Однако т.н. «идентитаристы», согласно Риду, постоянно отвлекают внимание от неравенства *материальных возможностей*: «несмотря на то, что афроамериканцы долгое время были чрезмерно представлены среди неквалифицированных рабочих и служащих государственного сектора, послевоенные либеральные политики обычно игнорировали влияние на темнокожих таких вопросов, как автоматизация, деиндустриализация, сокращение государственного сектора и упадок профсоюзного движения. Вместо этого современные либеральные усилия по борьбе с бедностью, как правило, связывают программы макроэкономического роста с сочетанием антидискриминационной политики, культурной опеки, профессиональной подготовки и карательных мер, начиная от реформы социального обеспечения и заканчивая тюремным заключением» [Reed, 2020: 17]. Конечно, «правильный» интерсекционализм должен учитывать все аспекты угнетения, включая классовые. На словах так действительно делается. Но ограниченность материальных ресурсов предполагает выстраивание приоритетов, подчеркивание наиболее важных проблем. *Допущение о равнозначности систем угнетения является, таким образом, еще одним источником разногласий, когда дело доходит до конкретной политики.*

Не менее проблематичен тезис о взаимосвязанности и взаимообусловленности систем угнетения. Сам по себе он бесспорен, если исходные допущения теоретиков истинны. Но такой подход быстро мутирует в нечто вроде религиозной убежденности в «непорочности» вообще любых «жертв» и веры в абсолютно «злую» природу всего того, что можно обозначить как «угнетение». Эта логика также становится чрезмерно обаяющей: если все системы угнетения равнозначны и переплетены, то отказ от веры в любую из них грозит исключением из всего движения «левых» (если кто-то сомневается в трансгендерной идеологии, то он трансфоб, а это почти то же самое, что гомофоб, а тут недалеко до фашизма). Но аргументы сторонников интерсекциональности не равнозначны, как и сами идентичности «угнетенных». Разница между гомосексуалами и трансгендерами – типичный пример. Гомосексуальность – это сексуальность, ее «принятие» не приводит к необратимым последствиям для организма. Трансгендерность же подразумевает, что «переход» обычно ведет к таким последствиям (мастэктомия, орхиэктомия, долгий прием гормонов противоположного пола и многое другое). В последнее время гендерные активисты выступают за максимальное снижение возраста «принятия» гендерной идентичности. По их мнению, нужно позволять детям младшего возраста (один из последних заголовков: «Калифорнийская гендерная клиника принимает пациентов в возрасте 2 лет»⁵) самим решать, кто они в гендерном «спектре» (мальчики, девочки, небинарные личности и т.д.). При этом уже имеют место практики разрешения людям, не достигшим совершеннолетия, вмешиваться в естественные процессы полового созревания. Как утверждает активистка (транс-женщина) Ш. Фэй, можно задержать половое созревание ребенка с помощью препаратов, подавляющих выброс половых гормонов. Блокаторы полового созревания предназначены в первую очередь для того, чтобы «дать ребенку и его семье больше времени для обдумывания своей гендерной идентичности» [Faue, 2021: 83]. Нашлись те, кто не смог принять столь экстремальное усиление «левых» дискурсов. Причем наиболее яркими критиками «зашедшего слишком далеко» гендерного

⁵ См.: <https://thepostmillennial.com/california-gender-clinic-treats-patients-as-young-as-2-years-old> (дата обращения: 20.08.2022).

активизма стали некоторые феминистки (так как сегодня наблюдается «эпидемия» переходов «из девочек в мальчики») [Shrier, 2020; Joyсе, 2021; Stock, 2021]. Х. Джойс, к примеру, ссылается на исследования, согласно которым блокаторы полового созревания останавливают отложение кальция в костях, а также способствуют снижению IQ [Joyсе, 2021: 55]. Э. Шриер приводит данные исследования, показавшего, что 70% детей с гендерной дисфорией в конечном итоге перерастают ее [Shrier, 2020: 17]. Иными словами, столь быстрое принятие (западным) обществом трансгендерности и стремление идти на поводу у детей с их «идентичностями» (из-за страха перед существенно преувеличенной вероятностью самоубийств) чреваты ростом количества случаев роковых действий, влекущих за собой такие неприятные последствия, как бесплодие или затормаживание интеллектуального развития. Некоторые комментаторы указывают, что быстро развивающаяся мода на трансгендерность стала следствием «эффекта колеи»: если не ошиблись с гомосексуальностью и прочими «освободительными» движениями, то и с трансгендерностью не должно быть никаких проблем. Здесь и вступает в силу «обязывающий» эффект. Как замечает Э. Шриер, «вопросы, связанные с трансгендерным здравоохранением, настолько политизировались, что основная проблема психического здоровья стала полностью скрытой. Гендерно-критичные феминистки используют такие выражения, как “женоненавистничество”, “патриархат”, “мужское доминирование”. И трансгендерные активисты достаточно счастливы вести спор на этом языке, ибо любой язык лучше, чем разговоры о психических заболеваниях и клиническом лечении симптомов» [ibid.: 104].

Разный опыт представителей угнетенных групп должен быть учтен. Наконец, еще одна не менее проблематичная основа теорий интерсекциональности – убежденность в том, что опыт различных «угнетенных» групп может быть приведен к некоему общему знаменателю, обобщен и нацелен на достижение общих целей. «Диалогическая работа над различиями во власти, – пишет П.Х. Коллинз, – требует какой-то общей цели, видения или объединяющей структуры, чтобы не подавлять различия, а скорее скреплять их. Социальная справедливость (или другой термин, выражающий аналогичную этическую чувствительность) может обеспечить эту объединяющую основу» [Collins, 2019: 276–277]. Но постоянное расширение и усложнение интерсекционального анализа не может не влечь за собой учащения «критических ошибок».

Преимущественно конструктивистская основа интерсекциональных дискурсов не способствует диалогу, поскольку консенсус обычно требует очевидного и бесспорного знания, исключаящего двойные толкования. Но дискурсы современных западных «левых» обычно складываются из достаточно спорных *интерпретаций*. К примеру, К. Гиллиган и Н. Снайдер отвечают на вопрос «почему патриархат все еще существует?» следующим образом. В детстве мальчики и девочки проходят стадию «социальной инициации», когда впитывают представления о том, что мужчина должен быть сдержанным, не проявлять лишней раз эмоций, а женщина – терпимой и скромной. С помощью такого психоанализа они объясняют почти все негативные явления, возникающие в отношениях между мужчинами и женщинами. Мужчины стремятся к власти и независимости, а потому эмоционально «закрываются», а женщины – терпят обиды и забывают о своем подлинном «я» [Гиллиган, Снайдер, 2021]. Мало того, что в данной книге представлена, по сути, карикатура на мужчин (они якобы неспособны по-настоящему дружить, т.к. в каком-то возрасте «предают» свою дружбу в угоду карьере), но авторы игнорируют физиологические объяснения мужского самообладания и женской скромности. Даже читывая всю особенность аргументации и отсутствие злого умысла у авторов, их идеи способны вызывать ощущение несправедливого обвинения: якобы во взаимоотношениях между полами неизбежно зло мужского «угнетения» женщин, которые в силу своей скромности теряют собственное «я». Другой пример – концепт «хрупкости белых» Р. ДиАнджело [DiAngelo, 2018], согласно которому все белые в США – расисты, даже если всячески это отрицают и не хотят в это верить. Расизм, согласно ДиАнджело, настолько повсеместен, что никто не избегает его воздействия на подсознательное. Опять же, в анализе ДиАнджело есть

свои зерна истины хотя бы в рассуждениях о неравных стартовых возможностях белых и темнокожих, но ярлык расизма, навешиваемый на белых вообще, даже если они во всех смыслах идеальные люди, вызывает закономерный вопрос: не является ли представление о всех белых как расистах расистским?

Масла в огонь подливает странное сочетание призывов «понимать» опыт других и критики т.н. «культурного присвоения». В итоге все дороги ведут к взаимным обвинениям в фанатизме. «Если вы белый мужчина, которого сексуально не привлекают темнокожие женщины, – пишет Г. Саад, – вы виновны в сексуальном расизме (да, такой термин существует). Если вы белый мужчина, которого привлекают темнокожие женщины, вы – расистский фанатик, считающий черных женщин сексуально ненасытными и объективирующий их тела. Подключите любую группу жертв к этому уравнению, и оно сработает так же. Как мы все знаем, институциональная расовая сегрегация представляет собой фанатизм, но теперь то же самое относится и к стремлению погрузиться в культурные практики других, что делает вас виновными в фанатизме “культурного присвоения”. Гомеостаз виктимологии гарантирует, что все дороги ведут к фанатизму...» [Saad, 2020: 105].

Концепции интерсекциональности постоянно усложняются, чтобы включить непрерывно множасьщиеся идентичности (одних только гендеров насчитывается более 50). При этом здесь мы имеем дело с особенностями «группового мышления», с групповым «опытом» и групповыми представлениями о мире, которые рано или поздно начинают друг другу противоречить. Классический пример – несопоставимость опыта женщин и трансгендерных женщин. «Пока вся эта политика сексуальной идентичности марширует через парадную дверь, – пишет Э. Шриер, – происходит крупномасштабное ограбление: кража женских достижений. Чем невероятнее женщина, чем больше барьеров она преодолевает, тем более “гендерно неконформной” она считается. В этой извращенной схеме, по определению, чем удивительнее женщина, тем меньше она считается женщиной» [Shrier, 2020: 57]. Конфликт разворачивается даже на уровне языка: «транс-инклюзивное умаление женственности становится все более распространенным явлением. Женщин называют “заводчиками” или “кровопускателями”. Те, кто использует эту терминологию, утверждают, что она предлагает более чувствительный способ обращения к биологическим женщинам, так что транс-женщины не чувствуют себя исключенными. Но что он предлагает настоящим девушкам, кроме членства в группе, описанной настолько гротескно, что они вряд ли захотят к ней принадлежать? Наши биологические способности настолько низведены, что молодая девушка может смотреть в будущее только с отвращением, если не с ужасом» [ibid: 119]. Отдельная конфликтная тема – доступ сохраняющих мужскую физиологию транс-женщин в женские раздевалки, туалеты, тюрьмы. Случаи допуска транс-женщин в женский спорт вплоть до Олимпийских игр стали мировым скандалом и прямой дискриминацией женщин [Blade, Kay, 2021].

Наконец, политика, реализуемая, казалось бы, в интересах одних «угнетенных», может быть совершенно неприемлема для других. Так, Р. Закария критикует т.н. «секс-позитивный» феминизм, поскольку, по ее мнению, сексуальное освобождение женщин в западных странах сделало их «принудительно сексуальными», а потому «объективация» так и не была преодолена. Капитализм «колонизировал» их сексуальность [Zakaria, 2021: 101–132]. Но это, по сути, лишь мнение «восточной» феминистки и отражение ее «восточного» взгляда на мир. Мы не можем четко отделить «объективацию» и «колониализацию» от свободного выбора. Она также пишет, что многие феминистки инвестировали в войну с терроризмом, стремились использовать американскую военную мощь для продвижения американских ценностей во всем мире (колониализм) [Zakaria, 2021: 77–100]. Э. Эванс и Э. Лепинар, редакторы сборника «Интерсекциональность в феминистских и квир-движениях», пишут о подобном явлении, обозначая его термином «фемонационализм». Там же мы встречаем термин «гомонационализм», связанный с инструментализацией прав ЛГБТ, таких как однополые браки, крайне правыми и консервативными правительствами, чтобы изобразить сообщества иммигрантов отсталыми, враждебными правам

геев и, следовательно, нуждающимися либо в изгнании, либо в реформировании [Evans, Lépinard, 2020: 1–26]. Проблема в том, что такие вещи крайне неоднозначны. Для одних людей служба женщин в армии есть огромное достижение в деле борьбы за равенство; для других – свидетельство «заражения» феминизма колониализмом.

Примеров «неразрешимых» противоречий в политике идентичности огромное множество. Г. Саад приводит показательный кейс: «В Виндзоре, Онтарио, транс-женщина подала жалобу о нарушении прав человека на спа-центр, отказавшийся предоставить “ей” услуги эпиляции воском. Мастер, мусульманка, по понятным причинам воздерживалась от восковой эпиляции биологического мужчины. Это был захватывающий случай с VictimologyPoker. Кто одержит верх: мусульманка или транс-женщина?» [Saad, 2020: 81–82]. Все это, в сущности, критические ошибки, которые копятя в «системном коде» концепций интерсекциональности, что приводит к большим системным «сбоям». *То есть мы видим не единство и солидарность в борьбе за светлое будущее, а скорее «войну всех против всех».*

Заключение. В опубликованной в «Социологических исследованиях» статье «Постмарксизм в социологии» А.В. Павлов прослеживает эволюцию марксизма, отвечая на вопрос, как он стал постмарксизмом. Западный марксизм действительно претерпел серьезные изменения. Некоторые школы и направления стали уделять больше внимания анализу культуры, не экономики. Многие авторы порвали с самим историческим материализмом, все чаще обращаясь к анализу дискурса, перенимая опыт постструктурализма. Веры в «изолированную» революцию рабочего класса больше нет. Путь социальной революции лежит через объединение классового и «культурного» анализа с целью построения «синтетической» критической теории, которая могла бы сблизить борьбу человечества со всеми формами угнетения (в конце концов, их подчас трудно отделить, ибо в капитализм «вшиты» расизм, сексизм, гетеронормативность и прочее). А.В. Павлов считает, что сегодня почти любого радикального социального теоретика, работающего в парадигме марксизма, можно назвать постмарксистом. «В конце концов, – пишет он, – постмарксизм остается марксизмом» [Павлов, 2021б: 136]. Такая точка зрения подразумевает наличие преемственности. Да, марксизм сильно изменился, но вслед за Э.О. Райтом можно утверждать, что все «постмарксистские» дискурсы объединяет борьба за равенство/справедливость, демократию/свободу и общность/солидарность. Поэтому осуществляемый сегодня синтез марксизма и дискурсов интерсекциональности – якобы лишь еще один закономерный шаг в интеллектуальной эволюции марксистской мысли.

Однако вполне допустимо, что подобный взгляд ведет в тупик. Найти четкую грань между настоящей борьбой за «социальную справедливость» и борьбой за групповые интересы в ущерб всем остальным практически невозможно. *Современная политика идентичности не приближает, а отдаляет предполагаемое состояние солидарности и диалога всех левых сил, так что ее вполне можно обозначить как новый этап «войны всех против всех».* В этом смысле резонен вопрос: должен ли марксизм эволюционировать в сторону выявления все новых идентичностей и противопоставления их некоему «системному угнетению», способствуя дальнейшей социальной фрагментации? Можно вспомнить, что классики марксизма говорили не только о том, что разделяет людей (классовый антагонизм), но и о том, что их потенциально может связать, независимо от гендера, пола, сексуальности или каких-либо других социальных черт. *Вероятно, тем, кто всерьез рассчитывает думать о коммунизме, придется встать в оппозицию по отношению к многочисленным дискурсам интерсекциональности, а в своих утопиях и программах ставить всеобщее превыше частного и группового.*

Но здесь начинаются главные сложности. Что значит всеобщее/универсальное, противопоставленное партикулярному? Т. Мак-Гован предлагает свой рецепт. По его мнению, выход за пределы отдельных идентичностей лежит в универсалистском проекте борьбы за абстрактные свободу и равенство. Проблема только в том, что в данном случае критика политики идентичности парадоксальным образом превращается в ее апологию,

ведь «преодоление» идентичностей есть вступление в политику идентичности. Мак-Гован в итоге попадает в те ловушки, в какие попали теоретики интерсекциональности, поскольку неизбежно занимает «идентитарную» позицию, даже пытаясь ее отрицать: от интеллектуального наследия С. де Бовуар в деле уничтожения «женской инаковости» до всецелого одобрения деятельности таких якобы «универсалистских» движений, как Black Lives Matter⁶. Думается, к схожим результатам придут оставшиеся в стороне от новых интеллектуальных веяний марксисты, критикующие политику идентичности и считающие единственно универсальным классовый анализ (см., напр.: [Garnham, 2021]). Проблема не в том, что, как верно замечают такие критики, классовый анализ был отодвинут на второй план⁷, а в том, что имеющиеся противоречия между «угнетенными» не стоит редуцировать только лишь к негативным проявлениям капитализма.

Иная перспектива – признать, что *политика идентичности – просто не дело марксизма*. Как только марксист попадает в поле политики идентичности, он неизбежно становится ее субъектом, а потому способствует дальнейшей фрагментации общества. Одна из задач марксизма, если он все еще хочет надеяться на коммунизм, заключается в *собираании, а не дроблении опыта*: социальной фрагментации противопоставляется *поиск того, что объединяет людей независимо от всех их социальных принадлежностей, а это не ограничивается стремлением к преодолению классового антагонизма, но больше связано с культурой, «жизненным миром»*. Это также означает обращение к таким проблемам, которые *безразличны к цвету кожи, сексуальной ориентации, гендеру и т.п.* Есть много того, что можно описать как *человеческие страдания и человеческие мечты*. Когда падает самолет и гибнут люди, мы можем испытывать сочувствие и сострадание, независимо от «идентичностей». Когда мы мечтаем о мире, где творческие дарования всех без исключения будут реализованы, то осознаем, что здесь имеет место радость, которую способен испытать каждый. Если одна из проблем политики идентичности и интерсекциональности в чрезмерном акценте на партикулярном (к тому же отвлекающем от больших проблем человечества), то резонно пытаться вновь сфокусироваться на *всеобщем*. Тогда важнейшей задачей становится *борьба за внимание*. Современные западные «левые» дискурсы настолько зациклены на таких «вещах», как гениталии или цвет кожи, что никто всерьез не ассоциирует их с будоражащим воображение дружным покорением космоса людьми светлого коммунистического будущего, не говоря уже о чем-то совсем нереалистичном, но не менее волнующем, вроде всеобщего воскрешения. Быть может, марксизм – это *прежде всего* нечто о любви между людьми, несмотря на их различия, нечто о прощении, а не об обиде?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Гиллиган К., Снайдер Н. Почему патриархат все еще существует? М.: ВЛШЭ, 2021. [Gilligan C., Snider N. (2021) *Why Does Patriarchy Persist?* Moscow: VSHE. (In Russ.)]
 Лорд О. Сестра-отверженная. Эссе и выступления. М.: No Kidding Press, 2022. [Lorde A. (2022) *Sister Outsider: Essays and Speeches*. Moscow: No Kidding Press. (In Russ.)]

⁶ Мак-Гован, к примеру, повторяет известные мифы о якобы повальном расизме американской полиции (см. разоблачение этих мифов: [Horowitz, 2021]). «Вот почему нельзя формулировать универсальность, – пишет он, – говоря “Все жизни имеют значение” вместо “Жизни черных имеют значение”. Это молчаливое признание того, что жизни белых имеют большее значение» [McGowan, 2020: 51].

⁷ См., напр., один из текстов на сайте марксистско-ленинской организации Red Youth: «Конечно, интерсекционалисты не справляются с этой задачей, для них “белый цисгендерный мужчина” по своей сути является злом в их глазах и не может понять бедственное положение гетеросексуального черного мужчины, который, в свою очередь, не может понять бедственное положение черной женщины-лесбиянки, которая, в свою очередь, не может понять бедственное положение транс-женщины. Ну, конечно, если отбросить классовое противоречие как основное противоречие, то нельзя найти никакой общей почвы – только нездоровая “конкуренция угнетений”, если верить меткому термину Майкла Ферранти! Такова умственная гимнастика наших пагубных друзей-антикоммунистов». URL: <https://redyouth.org/red-youth/against-intersectionality-a-warning-to-young-communists/>

- Павлов А.В. Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна // Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? М.: ВШЭ, 2021а. С. 7–25. [Pavlov A.V. (2021a) Post-Marxism without a Question Mark: Göran Therborn's Radical Social Theory. In: Therborn G. *From Marxism to Post-Marxism?* Moscow: VSHE: 7–25. (In Russ.)]
- Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II // Социологические исследования. 20216. № 5. С. 129–138. [Pavlov A.V. (2021b) Post-marxism in sociology. Part II. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 129–138. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250014311-5.
- Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? М.: ВШЭ, 2021. [Therborn G. (2021) *From Marxism to Post-Marxism?* Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Уилкерсон И. Касты. Истоки неравенства в XXI веке. М.: Эксмо, 2022. [Wilkerson I. (2022) *Caste: The Origins of Our Discontents*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)]
- Blade L., Kay B. (2021) *Unsporting: How Trans Activism and Science Denial are Destroying Sport*. Toronto: Rebel News Network Ltd.
- Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.
- Case A., Deaton A. (2020) *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press.
- Crenshaw K.W. (1989) Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*. No. 18: 139–167.
- Crenshaw K.W. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. No. 43 (6): 1241–1299.
- DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press.
- Du Bois W.E.B. (1964) *Black Reconstruction in America: 1860–1880*. Cleveland: Meridian Books.
- Evans E., Lépinard É. (2020) Confronting privileges in feminist and queer movements. In: *Intersectionality in feminist and queer movements confronting privileges*. Ed. by E. Evans, É. Lépinard. London, New York: Routledge.
- Faye S. (2021) *The Transgender Issue: An Argument for Justice*. London (UK): Allen Lane.
- Garnham S. (2021) The failure of identity politics: A Marxist analysis. *Marxist Left Review*. No. 22. URL: <https://marxistleftreview.org/articles/the-failure-of-identity-politics-a-marxist-analysis/> (accessed 23.08.2022).
- Hannah-Jones N. (2021) *The 1619 Project: A New Origin Story*. New York: One World.
- Horowitz D. (2021) *The Enemy Within: How a Totalitarian Movement is Destroying America*. Washington, D.C.: Regnery.
- Joyce H. (2021) *Trans: When Ideology Meets Reality*. London: Oneworld Publications.
- McGowan T. (2020) *Universality and Identity Politics*. New York: Columbia University Press.
- Reed T.F. (2020) *Toward Freedom: The Case Against Race Reductionism*. New York: Verso.
- Roediger D. (2017) *Class, Race, and Marxism*. New York: Verso.
- Saad G. (2020) *The Parasitic Mind: How Infectious Ideas Are Killing Common Sense*. Washington: Regnery.
- Shrier A. (2020) *Irreversible Damage: The Transgender Craze Seducing Our Daughters*. Washington: Regnery.
- Stock K. (2021) *Material Girls: Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet.
- Wright E.O. (2021) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso.
- Zakaria R. (2021) *Against White Feminism: Notes on Disruption*. New York: W.W. Norton & Company.

Статья поступила: 29.08.22. Финальная версия: 28.09.22. Принята к публикации: 25.12.22.

MARXISM CAPTIVED TO INTERSECTIONALITY**DAVYDOV D.A.***Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia*

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmity90@gmail.com).

Abstract. The article deals with attempts to synthesize Marxism and the concepts of intersectionality. This synthesis became possible thanks to the evolution of Marxism, which focused less and less on economics and paid more attention to culture. Intersectional analysis completes this evolution by presenting class exploitation as one of the intersecting “systems of oppression”. This means that only by looking at all the dimensions of race, gender, sexuality and class in the structures of capitalism and imperialism can one understand power relations as we see them today. If the revolution of the working class never happened, then the last hope is to unite all the oppressed in order to fight for equality/justice, democracy/freedom and community/solidarity. But, as shown in the article, the discourses of intersectionality, due to the desire to combine incompatible interests and social representations of the “oppressed”, are incapable of a constructive dialogue and maintaining internal unity in the struggle against the capitalist system. In this regard, the question is raised about the prospects for the further evolution of (post-)Marxism.

Keywords: intersectionality, Marxism, post-Marxism, class analysis, social structure, critical theory, critical racial theory, systemic oppression, LGBTQ+, feminism, patriarchy.

Received: 29.08.22. Final version: 28.09.22. Accepted: 25.12.22.